

Дмитрий
Гамидов

СЕТЕВАЯ ВЕЧНОСТЬ

16+

Дмитрий Евгеньевич Гамидов

Сетевая вечность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28507008

SelfPub; 2018

Аннотация

2053 год. Мир поделён на сектора, правительства сменили корпорации. Жизнь человека исчисляется его социальным статусом. Абсолютно каждый подключён к опутавшей земной шар Внешней Сети, виртуальности. Детектив Макколди ненавидит свою работу, но продолжает её выполнять. Во время очередного патруля он сталкивается с делом, которое способно изменить не только его жизнь, но и повлиять на судьбу всего человечества. Содержит нецензурную брань.

Глава 1. Пора встать, Стив.

Реально ли хоть что-то? Дни, время суток, символы на циферблате, мгновения рассудка. Осознание его сохранности. Короткие моменты, когда ты не помнишь, чем закончилась предыдущая реальность, и не можешь осознать, где начинается нынешняя. В подобные дни, ты не всегда понимаешь, сколь давно открыл глаза, и давно ли глаза были закрыты, пока слепой, обезумевший разум носится там, куда осознанной мысли вход закрыт. Что до тебя, то ты не более чем посредник этих двух состояний, этакая дрянная шина данных, сквозь которую каждый сигнал приходит разорванным, изувеченным, деструктурированным настолько, что исходный файл уже не может быть восстановлен. В такие дни, с каждым таким утром, вечером, ночью... Тебе кажется, что всё, что случилось раньше, не больше чем слой пыли и сетей паутины на застывших неведомо когда кулерах, забытых к списанию и переработке. Не более чем бумажная труха на корешках книг с именами вечных и давно забытых классиков.

Рано или поздно ты понимаешь, что всё вовсе не так, что ты ещё здесь, в настоящем. В настоящем, где ты лежишь на старом, вмятом диване, обитым истёртым войлоком, с прожжёнными окурками дырами, шириной не крупнее авторучки, из которых, словно из рваной раны, то и дело норовит выглянуть пожелтевший от времени и дыма наполнитель. Ты лежишь вдавленный, неподъёмный, с тяжёлой голо-

вой, наполненной словно свинцом, не повернуть, ни хотя бы приподнять. Рот открыт и пересушен, лишь изредка кончиков потрескавшихся губ касаются лёгкие дуновения слабого сквозняка от вращающегося вентилятора в изголовье дивана. В твоей бетонно-пластиковой тюрьме тепло, мрачно и тихо, лишь слышно, как шуршит в стенах и плинтусах, под цвет серебряных обоев, то ли вентиляция, то ли крысы. Секундная пауза. Проверка пинга.

Кто ты? Дабы разобравшись с вопросом «где ты?», до тебя доходит, что это не самое важное, а главное, не так страшно. Ты это всего лишь "Ты", но не больше. Всё так, минутная заминка, во время которой одуревшая, осушённая дешёвым спиртом голова из последних сил вступила в бой с настоящим «Я», не желая примеряться с действительностью. Макколди, пьянь без надежды на будущее. Трезвый лишь на службе. Ни в коем разе не герой и не пример для подражания.

Тебя хоть кто-то любит?

За исключением двух-трёх друзей навряд ли... Хотя уже двух, ведь Ску-Би ты усадил за решётку, за торговлю не тем чем надо, и не там, где ему положено. Ты свою работу знаешь, детектив. Не любишь, как и большинство. Как и другие, ты веришь, что начальник эгоистичная свинья, а твоя должность, подобна роли каторжника, в дерьмовой пьесе дерьмового автора и с такой же театральной трупой. Стив – это ты. Это твой мир. Твоя рука касается тёплого, твёрдого пола, с

покрытием под паркет, паркетом не являющимся. На руке синий циферблат с числами, указывающими на дату и время, кольцом на кисте, в вечном хороводе кружащими справа на лево.

19.07.2053. 13:07

Двоеточие меж тройкой и нулём всё время пульсирует и является единственной живой частичкой в холодной синеве голограммы. Ты смотришь на время и закрываешь глаза, сквозь веки видишь, как комнату наполняет свет. Искусственный свет нарисованного за окном города, наполненного неонам и белоснежностью, чистотой и счастьем. Синтетической белоснежностью с таким же синтетическим счастьем.

Изображение на окне фальшивка, которую ты забыл убрать с последнего раза, когда устал от настоящей картины мира. На ней огромные белые монолиты вздымаются к искусственным синим небесам, и сверкают подобно спортивному инвентарю в бликах солнца и неона, отражаясь, зеркальным лабиринтом, друг в друге. Кольцевые автострады, подобно лианам опутывают их тела и уносятся вдаль, от запада к востоку, от юга к северу, снизу доверху и так до бесконечности. . . . По ним, радужными бликами, несутся словно электроны по проводам, машины на магнитных подушках, не касаясь округлыми, выверенными формами стальных линий дорог. Частные вертолёт, подобно стрекозам кружат от

одних посадочных площадок к другим, развозят прекрасных дам в изысканных платьях, к столь же прекрасным сэрам, живущих в самом поднебесье и решающих судьбы мира.

Вернёмся в прошлое. Помнишь, когда ты впервые сказал: "Выключи голографическую проекцию, Ева"?

И Ева послушалась, открыв реальность. Окно заполнил чёрный хром, содрав притворную маску, скрывающую лицо обветшавшей старухи. Лишь глаза старухи смотрели огнём вывесок и служебных машин, которые, благодаря усиленным магнитным нагнетателям, неслись над вечно стоящими в непрекращающемся гуде автострадами. Стрекозы вертолётов обратились в чёрных воронов, несущих в лапах, словно гнилую добычу, ржавые, безжизненные цистерны и ящики. Город смотрит на тебя рваными шпиками и перепутьями проводом и труб, вдоль которых льются потоки воды и дыма. Город не желает выглядеть дружелюбным. Ты отвечаешь городу тем же.

Ты отвернулся от окна, сорвал со стула мятый плащ, цвета не то хаки, не то олива, и вышел за автоматически открывшуюся дверь. Лишь искусственный голос ОИ Евы напутствовал тебе в след.

– Удачного вечера, мистер Макколди.

Начинаешь вспоминать? Как и тогда, вчерашней ночью ты поступил так же. Привычный порядок действий. Ты на-

деваешь плащ и бредёшь к десяткам дверей лифта, стоящими ровным строем вдоль лестничного пролёта. Подходишь к центральной двери и нажимаешь на слегка вмятую, истёртую от сотни тысяч нажатий, кнопку. В подъезде то и дело мерцает еле живая лампа. Краски на стенах нет, есть лишь мутный стеклопластик, тёмно-жёлтого цвета. Цвета этого города, этой жизни. В углах пластик рыжее.

– Подай... Подойди, слышь, а???

Голос раздался сзади, там же, где и всегда. Ты даже не смотришь в ту сторону, Стив, так как и без того знаешь, что там нет ничего, кроме кучи тряпья и картона, в которых зарылся очередной шлак улиц и общества. Социальный Статус этой грязи не выше двадчатки, а значит ему не положено почти ничего, кроме дешёвого пошла и входа в здания типа F4. Жилые постройки граждан с СС от шестидесяти до восьмидесяти. То есть таких как ты, детектив.

Лифт открывается. Кабина три на три метра вместилище для уже втиснутых, будто законсервированных, граждан всех пород и национальностей, голов десять, а то и больше. Но тебе ведь не до этого. Тебе не важно, сколько их здесь. Ты знаешь, лифт останавливается лишь тогда, когда в нём есть место, а допустимый вес не превышен. Это нормально, что он забит под завязку. В каждом строение такого рода живёт почти три тысячи человек. Лифтов десять, а само оно является проходным блоком, между жилыми постройками, сковавшими друг друга, как эта толпа в лифте. Тебе тесно и

душно. Слишком мало места. Даже для того, чтобы просто пошевелить плечом, приходится прикладывать немалые усилия. Толпа сдавливает тисками. Каждый норовит встать поудобней, наплевав на окружающих. Кто-то наступил тебе на ногу, чей-то локоть или сумка упёрлись в бок. Пахнет мочой и приправами, дешёвыми духами, потом, машинным маслом и грязью. Люди молчат и ждут, когда консервная банка снова откроется и впустит хоть немного воздуха.

Ворота лифта расходятся в стороны, в лицо бьёт сырой ветер. Толпа выталкивает тебя на покрытую потёками масла и хлорированной воды посадочную площадку. Вас здесь с полтысячи или немногим больше. Так сразу не протолкнёшься, учитывая, что размеры площадки не больше футбольного поля. И не малою часть территории загородили такси и перекрытия с жёлтыми маяками и табличками «Ремонт». Платформа покрыта трещинами, сверху вечно что-то капает, а местами не прекращая льётся. Всё сверкает кислотными оттенками зелёного, синего и розового, неонем вывесок и реклам. Машины таксистов грязны, краска на тех местах, где нет рекламы, истёрта, а на окнах постоянно мерцают лица и фигуры девочек на заказ, а также восточных ресторанов. Сквозняки поднимают полы плаща, и ты крепче прижимаешь руки в карманах к корпусу. Твоя голова немыта и светлые русые волосы стали маслянисто тёмными. Ты идёшь беззвучно, всюду бьёт музыка. Электронные биты задают ритм жизни, сквозь них рвётся какофония женских и мужских го-

лосов на всех языках, отрывками, сквозь шум толпы, гремят рекламные и пропагандистские вставки. "Война позади, DuOtis на страже мира".

Подойдя к краю платформы можно увидеть, как сквозь туман и дым, подобно пчелиным сотам, распростёрлись блоки промышленных построек. И словно пчёлы по ним ползут грузовые машины и ремонтные дроны. Пронесётся сквозь тёмные тоннели поезда метрополитена и без конца гудят тысячи ватные намагниченные линии автострад, переполненные всевозможным транспортом.

Ты не идёшь к такси, так как сэкономишь кредиты и время. У тебя двенадцать часов, чтобы напиться, проспать и оказаться на службе в DuOtis. Ты ведь законник, Макколди. Законнику важно выглядеть на работе лучше, чем во всей остальной жизни. Ты идёшь к грузовому лифту в конце платформы, минуя зазывал и торгашей, подмигивающих голографических девок, приглашающих оголёнными телами в местные бордели.

Лифт выезжает каждые пять минут. Стоит спуститься одному, на его место тут же приезжает откуда-то сверху "брат-близнец", ещё пять минут, и на смену второй платформе, спускается третья. Рядом с ней, чуть левее, такой же грузовой лифт, с одной лишь разницей, что движется он в противоположную сторону, туда, где садятся пассажирские вертолёты. Но они не для тебя. Слишком дорого. Твой СС не позволяет осуществлять какие-либо маломальские кредитные

операции, а то жалование, которое тебе начисляют ежемесячно, годится лишь на то, что бы едва сводить концы с концами. Поэтому ты выбираешь тот, что едет вниз, в глубины преисподней. Перед отправлением звучит короткий гудок, после которого платформу огораживает решётка. Ты успеваешь как раз тогда, когда та почти сомкнулась. Налетаешь на какого-то низенького старика, сбивая его с ног. Он осыпает тебя матом, ты бьёшь коленом в челюсть. Баш на баш, он живёт на твои налоги. Толпа не даёт ему упасть, он замолкает, опустив разбитое лицо в решётчатый пол.

—Эй, я не хотел....

Что это, Макколди, сострадание? Ты зачем-то положил руку ему на плечо и попытался заглянуть в лицо. И что ты надеялся увидеть? Нет, ничего кроме отчаянья и страха там быть не могло.

Тела и лица освещают мерцающие полосы проносащихся мимо платформ, лифт рвёт пространство скрежетом адской вагонетки. Тут и там взгляд выхватывает отдельные фрагменты: нейлоновые трусики на подтянутых ножках малолетки неподалёку, усталое, выглаженное пластикой, лицо немолодой дамы, со строгой причёской на голове, оранжевый пояс строительного комбинезона на мужчине мексиканской наружности. С обеих сторон прутья решётки и сверкающие платформы, сменяющие друг друга. Общепит, производственные цеха, склады, танцевальные площадки, рынки, рынки, ещё раз рынки, наполненные всем, от шмоток до ней-

роимплантов.

Платформа замедляет спуск, решётка раздвигается, и толпа рвётся в открытые двери вагонов метро. Ты спешишь вместе с толпой, активно орудуя локтями, у тебя ведь так мало времени. Свет в вагоне на мгновение гаснет, гул толпы становится громче. Магнитные подушки увеличивают гуд, освещение постепенно возвращается, и вот вы уже несётесь сквозь нарисованный на стенах вагона город. Вы лейкоциты, стремящиеся доставить что-то крайне важное по большой варикозом венозной системе города. Ты смотришь в окно и видишь, как мимо, куда-то выше, подымается по магнитным рельсам другой поезд. Всё это ненастоящее, такая же голограмма как у тебя в квартире. Фальшивый белый город.

Наконец, ты в баре. В том, же что и всегда, с забитыми разным сбродом стойками и столами, расставленными, словно в столовой и привинченными к полу двух дюймовыми болтами, по три штуки на каждый, дабы пьянь, собравшаяся здесь, подвыпив, не начала погром с переворотом мебели, битьём посуды и голов.

Освещение в баре больничное, резкое, холодное, местами отсутствующее. Стены изредка касается свет от мерцания вездесущих объявлений и предложений купли продажи. Бармен для таких мест ненужная прихоть, а вместо него, метрах в десяти друг от друга, стоят массивные опоры алкогольных автоматов, с датчиком ЛИЧ-а, возможностью выбора и выдачи напитков, которых здесь не так уж много, а те

что есть, сплошная синтетика из спирта и ароматизаторов. Отстояв в очереди из четырёх человек, абсолютно неприметных фрилансеров, ты подходишь к автомату, что бы заказать бутылку виски и рюмку. В засаленной зеркальной поверхности стенки над окном выдачи напитков, ты видишь своё отражение. Сломанный нос с горбинкой, небольшой, но глубокий шрам на щеке, глаза цвета виски с двумя кубиками льда. Резкий излом бровей в сочетании с ярко выраженными скулами над впалыми щеками, предают лицу вид хищной птицы, сокола или ястреба... Не важно. И те и другие вымерли вследствие ядерной зимы.

Автомат тратит не более тридцати секунд и на лотке, под фанфары пневмомоторчиков, оказывается пластиковая бутылка с биркой заказа и надписью: «Спирт этиловый 40%, с ароматом «Скотч-виски» №774» и стакан, на ощупь и вид стеклянный, только с тем условием, что стекло это мнётся при попытке его разбить и разлагается через пару суток на все исходные составляющие.

Дальше ведь особо нечего рассказывать, верно, детектив? Сценарий знакомый, согнав очередной шлак и освободив место за стойкой, ты монотонно начал заливаться, под не стихающие разговоры рабочих всех мастей и смех потаскух бальзаковского возраста, надеющихся здесь найти того, кто нальёт стакан и обеспечит развлечение на ночь. После размытые картинки обратного пути домой, только в этот раз уже на такси, уж больно сложно добираться в таком состоянии на

общественном транспорте. Водителя нет, ограниченный интеллект машины сам считывает твой адрес и везёт как можно ближе к квартире. Ты лежишь на диване с открытым ртом и всё помнишь, на экране телевизора сверкает надпись «два неп прочитанных сообщения». «Целых два», думаешь ты, протирая переносицу затёкшей кистью.

Макколди, твой шеф тебя ждёт. Ждёт с распростёртыми объятями и отвисшим двадцатикилограммовым пузом, в излюбленном красном жилете, поверх полосатой черно белой рубахи с постоянно грязным воротником и пятнами пота подмышками. Ты знаешь, что он ждёт тебя, так как одно из сообщений гласило, что ещё вчера от тебя требовалось сдать доклад о закрытие дела "торговли NS30" в одном из молодёжных клубов.

Ты нарочно тянешь, так как тебе не нравится эта наркота, не нравится её действие. Ты согласен с тем, что ширево порой помогает расслабиться, а некоторым это почти жизненно важно. Ты и сам не прочь втянуть порой небольшую дозу синтетического кокса, дабы немного взбодрится, особенно во время идущих друг за другом ночных патрулей. Но NS30 кайф для дегенератов. Его главный козырь, состояние не прекращаемого постоянного оргазма, те ещё эмоции. Прими одну таблетку и за полчаса кончишь не менее десяти раз, а то и больше, тут уж от чувствительности зависит. Выпьешь две, и ощущения усилятся в два раза. Помимо то-

го, что сам ты при этом обгадаешься похуже, чем в младенчестве, ты получишь ещё бонус. Секс, во всех отношениях, становится не интересен. Не потому, что ты его не хочешь, а потому, что организм для секса становится непригодным. Что ж, для общества это лишь на пользу, неплохое средство для борьбы с перенаселением и идиотами.

Но это лишь в случае, если выпьешь больше трёх таблеток. А значит, препарат на грани легальности. Следуй инструкции, сохраняй здоровье. Дело тут шить не на чем, и вот начальство говорит «аста ла виста, займись чем-нибудь полезным». Но в тебе же сыскали принципы, детектив. Ты немного забыл, что ты не тот коп из фильмов семидесятых годов про гангстеров и крутых полицейских, пользующихся законом так, как им выгодно. Ты забыл, кто тебе платит. Корпорация, часть доходов которой зиждется на таких вот почти легальных наркотиках. А значит и решения принимать ей, а уж ни как ни тебе. И законом, кстати, пользоваться то же ей, Стив. Когда ты подписался на эту работу, у тебя оставалась возможность отказаться и отправиться чернорабочим в пустошь. Расслабься и получай удовольствие.

Второе сообщение прочитала Ева, твоя компьютерная подруга, служанка, секретарша... Голос холостяцкой комнаты. Приятный женский сопрано. Ты наводишь кофе, а она диктует тебе что Эди, твой близкий друг, давно не играл в бильярд.

– Две... Три недели назад, – снова ухмыляешься ты, зажи-

гая от электронного прикуривателя сигарету и вдыхая облако сизого дыма. Небольшая роскошь, плюсы службы в полиции, курить настоящие сигареты, а не бездымные фальшивки, которые сейчас продают вместо них.

Ты достаёшь из холодильника бутылку контрафактного купажированного "Chivas Regal 12". Для кофе ты берегёшь только элитные сорта виски. Дымя сигаретой, ты достаёшь из-под кофе машины пластиковую чашку с крепким двойным эспрессо, открываешь бутылку и наливаешь на глаз около десяти грамм. Как обычно, выливается чуть больше. Так даже лучше, Стив.

Ты идёшь к окну, держа в руке горячий кофе и попутно давая команду ОИ квартиры убрать искусственный пейзаж. Прекрасный аромат смешивается с тухлой сыростью из вентиляции. По всей комнате разбросаны грязные вещи. По пути к окну, ты ногами расшвыриваешь их в возникающие у стен небольшие кучки хлама. Вид из окна напоминает жизнь. Мрачную и засаленную.

– Ева, сводка новостей.

Окно темнеет. Спустя пару мгновений, через всполохи помех, на нём возникает изображение длинного стеклянного стола, за которым сидит девушка с внешностью модели, гармонично сочетающая деловой и сексуальный стиль – этакая секретарша большого босса. На ней очки в тонкой оправе зелёного цвета, под ними ярко голубые глаза, старания косметической хирургии. Внизу экрана, не прекращаемой лентой,

бежит строка главных новостей: котировки акций, цены на ископаемые, курсы на бирже ценных металлов.

– ...просочившиеся в сеть сообщения, касаемые якобы провалившейся экспедиции на Марс, как и ожидалось, не более чем жуткая подделка. Как выяснилось позже, ужасные кадры, выложенные радикальной хакерской группой «Vetra», оказались достаточно некачественной попыткой донести до потенциального зрителя опасности изучения Марса и необходимости немедленного уничтожения всех образцов грунта, посланных на землю. Напомним, экспедиция на Марс, ставшая второй совместной космической программой одобренной МежКомом и проспонсированной крупнейшими корпоративными лидерами, стартовала второго марта 2044 года. Вот уже месяц, как астронавты успешно колонизируют красную планету.

На экране появилось изображение людей в неуклюжих костюмах ярко оранжевого цвета, устанавливающих научную аппаратуру в рыжий песок и красную глину. Изображение постоянно покрывают помехи, но это лучше недавно показанной разбитой посадочной капсулы и ползущего в никуда тела одного из астронавтов.

Ты допиваешь кофе и тушишь едва тлеющий окурок о дно стакана. Смяв и бросив его в сторону переполненной урны стоящей у окна, ты берёшь со спинки стула плащ и выдвигаешься на встречу с боссом.

–Удачного дня, мистер Макколди, – звучит искусствен-

ный голос Евы.

Снова лифт, снова сброд и толкучка, платформа, несущая тебя вниз, двери метро и путь сквозь нарисованный город. Город, безопасность которого охраняешь ты и такие как ты, может быть, немногим лучше тебя.

Здание районного отделения сорок третьего сектора охранного филиала DuOtis выглядит вполне прилично, как и весь район, где оно располагается. Хотя тебе судить сложно, ты вообще не видел района хуже того, в котором тебе приходилось жить, разве что в окраинах сектора. Большинство твоих коллег живут в зданиях типа F2, а это куда лучше барачков внутри огромных чёрных кубов, наложенных друг на друга, как попало, будто детской рукой, и теснящихся с соседями.

Ты высаживаешься из вагона и попадаешь на широкую площадку, напоминающую посадочную полосу для пассажирских самолётов. Народ здесь куда более приятен. Как минимум внешне. Лица ухожены, фигуры выгравированы на манер древнегреческих статуй. Одежда красива и элегантна. Всё наполнено неким деловым лоском. Тебе ведь здесь неуютно, Макколди. Ты чувствуешь, что место твоё уже почти там, среди посетителей питейной. Грязи, в которой ты проводишь почти все свободные вечера.

Почему ты такой, Стив? Росс сиротой в нищете? Бедный,

несчастный Стиви. Лживый и лицемерный Стив. Половина твоих сослуживцев росли в тех же условиях, а многие гораздо в худших. Вы дети Смены, и тут уж ничего не попишешь. Вы родились тогда, когда правительства теряли власть, а корпорации набирали, когда экономическая система национальных валют прогнила и привела к всемирному кризису, из-за чего мир разделился на две обезумившие военные группировки, чья война сожгла весь земной шар в ядерном пожаре. Когда прежний мир рухнул чтобы переродиться, вместе с ним рухнули и люди со своими никому ненужными жизнями. А всё что осталось тем, кто выжил, воскреснуть подобно фениксу, чтобы продолжить рециркуляцию душ в мире без бога.

Ты же знаешь, что тебе повезло, Стив. Твои родители не были олухами, не способными меняться под ударами трёх колоколов смены: Войны, Экономики и Голода. Они были старательными, предприимчивыми людьми. Отец смог сколотить немалый капитал, работая над проектировкой первых секторов, мать нашла вполне состоятельный способ обменять средства на кредиты. Тебе тогда вот-вот должно было исполниться шестнадцать, отец пообещал устроить день рождение в новом парке аттракционов, но вместо этого, они вместе с матерью разлетелись по всей автостраде на волнах тротилового взрыва, во время очередного теракта по дороге домой. Маленький, бедный Макколди младший. Хотя уже не такой уж и бедный. Отнюдь. Сразу, после того как ты прошёл

тест МежКома на зрелость и установил в шею ЛИЧ, дабы не получить клеймо безличного, весь капитал перешёл к тебе. И как ты им распорядился, Стив? Как обезумевший. Безвкусно и без талантливо начал транжирить. Для начала, вступил в одну из многочисленных молодёжных группировок, упивался дорогой алкашкой и натуральной наркотой, да к тому же спонсировал всю шайку малолетних преступников.

В восемнадцать лет, ты неожиданно обнаружил себя, согласно нововведённой системе Социального Статуса, чуть ли не отбросом. Восемьдесят пять? Ты свято верил, что стоишь большего, и что бы это доказать, спустил большую часть оставшихся средств на поднятие СС. Помогло ненадолго, против природы не попрёшь. МежКом знает твоё место куда лучше тебя. За год, твой соцстатус, словно сорвавшись, понёсся вниз, лишь немногим уступая скорости падения твоих накоплений. СС равен 112, 104, 89, 73... И так до тех пор, пока ты не оказался в исправительной колонии.

Ты никто, Стиви. Тебе девятнадцать. И склизкого вида адвокат, с поросычьими глазками и широкими бровями, протягивает тебе щуплую потную ладонь, и едва говоря по-английски, твердит сквозь азиатский акцент:

– Хоросая сделка, Макколди сан! Хоросая сделка!

Дерьмовая сделка, как понял ты позже, дерьмовей, чем ты даже мог предположить. Тебе уготовили честь стать курсантом юной ещё тогда охранной фирмы, под покровительством набирающей власть DuOtis. Вас посадили в казарму на

окраине сектора и начали каждый день вколачивать, почему дядя Сэм, которого многие уже и не помнили, дерьмо собачье, а мистер Стен Уокли, глава совета DO, образчик нового Христа. И так четыре года без перерывов и выходных. Тех, кто плохо это усвоил, отправили патрулировать улицы и охранять торговые автоматы. Тем, кто лучше пришлось продолжить освоение этой сложной науки в академии. DuOtis любит свой персонал и заботится об образовании. Им нужны квалифицированные специалисты. А ты, Макколди, мог стать таковым.

Но не судьба. На последнем году обучения, в тебе накопился весь протест и всё недовольство текущем состоянием дел. Видимо забыв, о том, что контракт с DuOtis спас тебя от перспективы подохнуть в пустоши, ты начал резко высказываться, что всё обучение – это говно собачье, а все студенты фекалии системы, построенной на пожирание человеческой жизни и свобод.

Какой же ты был идиот. На что ты надеялся, Стив? Уже явно не на то, что получил. Ныне ты младший следователь районного отдела. У тебя нет офиса, как у других детективов, ты почти ничем не распоряжаешься, корпорация из-за твоего низкого соцстатуса не даёт тебе приемлемого жилья, личного транспорта и возможности появляться на верхних и центральных уровнях сектора, если на это нет распоряжения сверху. Зато начальников у тебя уйма и каждый норовит высказывать недовольство тобой и твоей работой, но тебе то

что с гуся вода. Ты ведь их всех терпеть не можешь, детектив.

Широкие двери парадной почти никогда не закрываются, поток людей в них подобен пульсу движения автострад. Артерия на вход, вена на выход. Все заняты своими делами и почти никто никого не знает. Общаться друг с другом? Если всевидящее око отдела по персоналу увидит, что ты тратишь рабочее время на пустые разговоры, на пользу тебе это не пойдёт. Даже созваниваться стали скрытно, напрямую через ЛИЧ, прогоняя разговоры обрывчатыми сообщениями. Этаким голосовой чат внутри головы. Вечный онлайн.

Благодаря технологии личного идентификационного чипа абсолютно каждый стал частью огромной, почти ничем неограниченной Внешней Сети. Жидкий микропроцессор с комплексом наноботов и искусственной нейросетью, вколотый в самое основание шейного позвонка. ЛИЧ это интернет сервер и личный домен добропорядочного члена общества. Теперь не нужно иметь при себе документом, кредитных чипов и карточек. Отключи ЛИЧ, и ты не вправе приобрести даже поесть, если не сможешь доказать автомату с едой, что ты – это ты, а это та ещё проблема.

Всё, что можно узнать о человеке хранится в выделенной под то области мозга, к которой ЛИЧ постоянно имеет доступ. Взломать его, уж тут то создатели постарались, почти невозможно. При любой попытке тот просто отключает себя от сети и всё, аривидерчи. За то время пока чип отключен,

он полностью меняет свою сетевую структуру, теневым путём подключается ко всем сервисам, с которыми был связан и всё, для того, кто хотел тебя взломать, нить потеряна, тебя больше не существует. Для надёжности, для каждой сетевой операции ЛИЧ создаёт идентификационный ключ на основе мгновенной карты нейронных потоков мозга.

По крайней мере, Стив, именно так вечно твердил технический отдел, когда взбешённый от бессилия, ты пытался найти очередного хакера или сетевого шамана, зачастую являющегося последней соломинкой в вот-вот закрытом деле. Порой это конечно удавалось, навигационно проследить точку входа, задействовать камеры слежения, локаторы и датчики, просмотреть сектора на наличия слепых зон, выследить ресурсы, подвергшиеся нападению в первую очередь. Шаг за шагом, словно по ступеням, с командой программистов тех. отдела, продираться до источника. После, команда на захват оперативной группе и вот, ты уже летишь на корпоративном вертолёте к квартире, а чаще подвалу или какой-то грязной, узкой вентиляционной шахте, к пареньку со сломанными запястьями и массивным ошейником глушителем, подавляющим любую сетевую деятельность. Как правило, парниша потом очень много рассказывает.

Уж что-что, а методы допроса шагают в ногу с прогрессом. Галлюциногены, гипноз, нейропрограммирование в купе с лишением сна. Запрет на выход в сеть. Это, пожалуй, действует сильнее всего. К тому же требует меньше всего

усилий, хотя приходится потратить чуть больше времени. Однако, Макколди, вспомни сколько раз всё так гладко выходило за шесть лет службы в сорок третьем? Раза два? Может три, не больше. А необходимостей таких успехов было больше полусотни.

Поэтому ты дерьмовый детектив с низкой раскрываемостью и начальник в очередной раз хочет с тобой побеседовать. Единственное чему ты удивляешься пока идёшь вдоль длинного коридора с высокими потолками от парадного входа к лифту, почему тебя ещё не уволили. «Видимо что-то во мне есть», тешишь ты своё самолюбие. «Только что именно?». Правильный вопрос, детектив. Может быть, как раз умение задавать правильные вопросы?

Четыре лифта, один из них ведёт только к кабинетам руководства. Тебе как раз он и нужен. Раздвижные двери хромированы в кобальтовый цвет, чуть светлее цвета стен во всём здании. Около каждой, две кнопки с равнобедренными треугольниками. Кнопки нужного тебе лифта особенные. Их тут порядка двенадцати, у каждой белая голограмма таблички, с наименованием требуемой шишки. Ты нажимаешь на кнопку с табличкой «Начальник следственного отдела». Лифт подъезжает почти тут же, что тебя вовсе не удивляет, большие боссы редко вызывают к себе подчинённых. Вот тебя за шесть лет уже третий раз. Ты, знаешь ли, нонсенс, Макколди.

Двери открываются бесшумно, по крайней мере на фоне

вечно движущейся толпы. В лифте ухоженно и свежо, пахнет как в салоне дорогого автомобиля. Хоть какой-то плюс, верно? Ты становишься лицом к дверям на шершавый, мягкий пол, отделанный чем-то вроде ковралина тёмно-синего цвета. Смотришь на потолок без лампы, равномерно светящийся матовый пластик. Кабина лифта закрывается и со всех сторон начинает звучать расслабляющая мелодия, что-то классическое, с лёгкой примесью ChillOut. На боковых стенках лифта сводки новостей со всех частей света. Удачная игра ковбоев в полуфинале. Тройное убийство на третьем уровне в пятом районе двенадцатого сектора. Новая технология передачи бла-бла-бла нейронной сети бла-бла-бла процессоров. В последнем ты вообще особо не смыслишь.

Лифт останавливается, не вызывая подобно другим скоростным лифтам в организме чувство, будто желудок с кишечником решили приобняться. Двери открываются, вместе с ними замолкает музыка. Перерыв окончен. Приёмная.

На полу лежит ковёр багрового цвета с длинным ворсом. На стене слева аквариум, хотя скорее иллюзия размером в несколько кубов и с довольно экзотичным содержанием. Подсветка аквариума синий неон, фон тёмный космос с тысячами звёзд, по дну над чёрными гальками ползёт скат, мелкие оранжевые рыбёшки стайкой мечутся в поисках остатков корма над ним. Безбрежность и спокойствие. Ты любишь рыб. Даже, наверно, больше чем людей. Меньше слов. Яснее цели. С противоположной стороны аквариума большое

трёхстворчатое окно с "Белым Городом". Самая популярная голограмма в сорок третьем секторе. Нигде не скрыться от этой фальшивки.

У окна длинный, изящный угловой стол сапфирного цвета, за которым сидит девушка. Блондинка с каре, одетая в сине-красную форму сотрудников охранного филиала DuOtis. Со всех сторон её окружают призраки экранов. Она сама выглядит так, будто является частью этой информационной ленты. Верный механизм системы. В прошлый раз была другая.

Она обращает на тебя внимания лишь тогда, когда до стала остаётся лишь пару шагов, учтиво улыбается.

– Вам назначено, мистер... Макколди? – секундная пауза, перед тем как назвать фамилию.

– Да, на вчера – строишь из себя крутого, делового парня, делаешь вид, что она тебе неинтересна. Не лги себе, Стиви.

Она знает кто-ты, потому что твой ЛИЧ открыт на доступ к идентификационным данным. Перед входом в здание, тебе, как и всем остальным, волей-неволей приходится открываться. Тебе это не нравится. Ты не любишь, когда все вокруг делают вид что знают кто ты такой, руководствуясь лишь твоим СС и должностью, которую ты занимаешь. Поэтому всегда стараешься не носить формы, бирок и всего того, что могло бы указать на хоть что-то из вышеназванного. В корпоративных зданиях, на кого не посмотри, у всех такая милая сноска под цвет, противоположный тому, на фоне ко-

того она выскакивает. На сноске несколько слов, Имя, Фамилия, должность, СС. Над секретаршей, ты, к примеру, видишь надпись Сюзи Слоу, дежурный секретарь, 154. Видимо та девушка, что работала здесь раньше, не смогла выйти, а Сюзи здесь работает как раз на случай таких происшествий. Поэтому и о вчерашних встречах начальника не знает.

– Секундочку, пожалуйста... Вы присядьте пока, Мистер Макколди, прошу Вас. – она кивает головой на ряд стульев, с металлическим каркасом и синим дерматиновым покрытием.

Ты неодобрительно качаешь головой. Сюзи пожимает плечами и голограммы между вами начинают меняться. С твоей стороны лишь размытые символы и цветные кляксы, с её, вероятно, отчёты о вчерашних встречах и переносе не состоявшихся.

– Детектив... Стив Макколди... – словно мысли вслух произносит она. – Да, вот. Вижу. Мистер Макколди, ваша встреча перенесена на 15:00. Подходите через час.

Обворожительная улыбка. Ты ведь хочешь её пригласить куда ни будь сходить вместе. Не делай из себя большего говнюка, чем ты являешься.

– Хорошо, через час, так через час. – сухо говоришь ты и развернувшись идёшь к лифту. «Не время для мелких интрижек», думаешь ты. Но ты же знаешь, Стив, что, если всё будет продолжаться в том же духе, такого времени просто не будет. Боишься привести её в свой район? Не вези. Сейчас

не то время, что было полвека назад. Совсем недавно десять процентов населения жило на улицах, а сейчас ты боишься, что она никуда не пойдёт с тем, кто стесняется своего соц-статуса? И не говори, что это не так, когда ты последний раз его перед кем-то открывал не по принуждению? Нечего сказать? Ладно уж, проехали.

Ты спускаешься по лифту, а на тебе лица нет. Мрачный, униженный собой ты идёшь в направлении раздевалок, через толпу, через полные кабины лифтов для персонала, вдоль узких коридоров со потёртыми стенами грязно-синего цвета. На потолке полосами висят лампы, деля собой коридор через каждые два метра. Некоторые горят чуть слабее, некоторые – сильнее. Большинство людей, что встречаются у тебя на пути, тебе не знакомы, с большинством знакомых ты не хочешь даже встречаться. Элементы механизма. Тик-так, тик-так. Подобно отцовским часам, от которых остался лишь разбитый циферблат и обгоревший кожаный ремешок.

Твой отец любил цепляться за бессмертную классику, учитывая то, что самые большие перемены его застали в возрасте двадцати с лишним лет и большинство его ровесников тогда просто сума сходили по новым гаджетам. Ещё бы, новая эпоха технологий, нейронные процессоры, импланты. Опиум, на фоне экономического кризиса и назревающей ядерной войны с Северной Кореей. Каждый тогда хотел впустить будущее в свою жизнь, поголовное сумасшествие. Каждый, но не он. Так же, как и твоя мать, Стив. Он любил кино

прошлого века, музыку начала того же века, автомобили его второй половины. В тридцатых на него смотрели как на чудака. Вначале сороковых он был твоим героем. В тридцать восьмом история героя трагически окончилась.

Ты заходишь в раздевалку и видишь ровный строй шкафчиков и скамеек между ними. Помещение большое, почти всё верхнее пространство стен занимают вентиляционные решётки из белого пластика. Расстояние между прутьями у них такое маленькое, что они скорее напоминают жалюзи. Освещение здесь более тёмное, полы выложены плиткой кораллового цвета. Серые скамейки и шкафчики кажутся, будто сделанными из камня. В третьем ряду шкафчиков ты находишь свой. Даёшь команду ЛИЧ-у на открытие, и замок щёлкает. Дверь слегка отворяется тебе на встречу. В шкафчике ничего лишнего. На верху полка с умывальными принадлежностями, мыльный раствор, пачка одноразовых полотенец, термобритва. Под полкой вешалка с формой. Тёмно-синий китель с ремешками на липучках и электромагнитной молнией на косом отвороте. Китель полностью подгоняется по фигуре и фиксируется магнитными зажимами. На правой стороне груди эмблема филиала. Ромб, разделённый на четыре части, в каждой из которых надпись, по порядку от левой части «Порядок, защита, свобода, долг». Что за материал, ты так и не узнал. Синтетика, крайне прочная, огнестойчивая и токонепроводящая, что особо важно, учитывая, что в нынешнее время основное оружие не летального,

тазерного типа.

Этим в своё время окончилась Смена. Первой конвенцией межкорпоративного комитета, с запретом почти всех типов вооружений и роспуском корпоративных армейских частей. Законами, вступившими вслед за решением конвенции. Первый, "За нелегальное ношение запрещённых типов вооружения, падение СС на 60 пунктов, штраф в размере от 100 тысяч кредитов, и заключение в стазис капсуле, сроком от 10 лет". И ведь помогло. Уровень убийств спал, а те что случались, почти никогда не совершались огнестрельным оружием. Да и раздобыть пушку стало почти невозможно, не говоря уже о боеприпасах к ней. Но ты то, Стив, парень находчивый. Уже третий год как в твоей квартире лежит обрез с коробкой патронов и чего-то ждёт. Ждёт с твоей подачи, ведь на самом деле чего-то ждёшь ты, хотя и сам не знаешь, чего именно. Странная привычка всегда ожидать худшего, оставшаяся с юности, со времён, прожитых в банде.

Ты снимаешь с себя одежду, плащ из болонья, синтетический свитер без воротника и с узкой вязью, чёрную обтягивающую майку с короткими рукавами, коричневые брюки и замшевые кроссовки. Укладываешь всё на скамью, а сам одеваешься в форму. Застегнув последний берцовый сапог, ты вешаешь повседневную одежду на вешалку и закрываешь шкаф. Идёшь в кофейню, так как голова снова начала гудеть из-за нехватки виски в организме, немного антиоксидантов в кофе и снова будешь в форме, в немного мятой, но всё же

работоспособной.

15 часов. Ты стоишь у дверей внутри кабинета начальника. Ты стоишь и благодаришь выдавшийся свободным час за то, что встреча состоялась после того как ты выпил таблетки, так как в противном случае, ты бы просто не смог выносить этот дикий рёв взбесившегося хряка. Он как безумный мечет взгляд глаз бусинок то на тебя, то в сторону своего стола, над которым высвечена вся сводка по делу NS30. Он орёт, а из широкого рта то и дело летит слюна. Тяжёлая грудь, на объёмном потном животе то и дело вздымается, натягивая чуть ли не до треска рубаху и жилет. Лысая голова вся покрылась испариной, хотя в помещении более чем прохладно. Шеф угрожающе машет толстыми руками указывая на сводку.

– Ты выродок, Макколди. Тупой недоносок. Отрепье посланное в мой отдел мне в наказание! Твоей тупоголовой башке не понять, как это, когда причин для возбуждения дела нет?!

Он делает несколько шагов тебе на встречу, словно собираясь тебя схватить, но на пол пути останавливается, чтобы отдышаться. Заведясь кашлем, он идёт к столу и берёт меж широких пальцев дымящуюся там сигару, усевшись в большое, кожаное кресло начальника. Воспользовавшись паузой, ты пытаешься оправдаться.

– Шеф, поверьте, если копнуть дальше, мы непременно

выйдем на нелегальное...

– Заткнись, сучий выродок! Ты съешь свой нос не в своё дело. – Перебивает тебя он резким выкриком, в потуге при-
вскочить с кресла и снова опадая в него. – Из-за таких неуго-
монных сучар как ты, к нам потом приезжают инспектора,
и твои же сослуживцы вместо зарплат получают штрафные
квитанции! Макколди, делу присвоен статус корпоративного
расследования, это не в твоей юрисдикции. А на твой счёт,
я пишу рапорт. Твой соцстатус понизят на пять единиц. За-
хочешь лезть дальше, я тебя к бомжам на окраину стоню,
ты меня понял... Детектив. – Последнее было брошено как
очередное обзывательство.

– Да, сэр. – сжав руки за спиной, говоришь ты. – Разре-
шите идти, сэр?

Ты склоняешь голову в ответ на махнувшего в сторону вы-
хода руку боса и небрежного «проваливай».

– Всё прошло удачно, мистер Макколди? – снова улыба-
ется тебе на выходе секретарша.

– Более чем. – Всё так же серьёзно отвечаешь ты.

Глава 2. Девушка, которая хотела жить

Она уже который день сидит на кровати, прижавшись спи-
ной к гладкой поверхности стены, покрашенной в белый гля-
нец. В комнате холодно и пусто. Она убрала и продала всё
лишнее. Всё на свалку, всё на слом. Эмма решила, коль судь-

ба сложилась так, что жить ей осталось не больше года, то к чему захламлять этот год ненужными вещами. Словно аскет восточной школы философии, она методично отказалась от всего на сущего. Главное не смотреть назад, твердила она себе, для того, у кого нет будущего, прошлое значения не имеет. Есть только настоящие. Настоящие которое продлится быть может год. А может и месяц...

Она знала, рано или поздно этот момент придёт. Но с детства, сидя то у одного врача, то у другого, слушая, как надывается пожилая мать, заламывая запястья и умоляя сделать хоть что-то выздоровление дочери, надеялась, что этого никогда не случится. Шли годы, нервная старость матери довела ту до психлечебницы. И всё это напрасно. Лекарство так и не нашли.

Хотя хирургия и кардиология, подобно всем остальным направлениям медицины, шли семимильными шагами вперёд, наука так и не смогла найти причину столь паталогической болезни мисс Эммы Леновски. Ей двадцать пять и она знает, что до двадцати шести ей недожить. Каких-то пару месяцев... Она уже чувствует старуху с косой, которая костлявой клешней каждые час сжимает сердце, рвёт грудную клетку, укрывает покрывалом холода руки и ноги. Ей теперь тяжело ходить, и мелкая моторика рук то же не функциональна. Ныне она неспособна даже открыть бутылочную крышку.

А по началу, всё казалось не так уж плохо. Шок и паника сменились желанием успеть сделать всё, на что она никак не

могла решиться. Первым делом, она досрочно погасила контракт с FarmaGroup, компанией, в которой занимала должность младшего научного сотрудника. Следом, выставив на аукцион пол квартиры, дорогую медиа консоль для просмотра live-фильмов и оставшиеся семейные акции, она приобрела капитал, с помощью которого смогла позволить довольно дорогостоящие курорты по всем уголкам света. Побывала даже на орбите, на том орбитальном лифте, новом чуде света, через который теперь функционирует МКВ, межкорпоративная космическая верфь. Она ужинала в дорогом ресторане на верхушке реконструированной Эйфелевой башне в Париже-два, с видом на огни утопающего в деревьях и цветах ночного города, единственного в своём роде. Сектор в океане. Словно золотыми гирляндами второй Париж иссекают вдоль и поперёк фонари. Улицы девятнадцатого сектора – полная реконструкция Парижа XIX века, лишь новые технологии немного видоизменили их. На крышах, вместо черепиц, теперь сияли панели контроля погоды, отражая в зеркальной поверхности тысячи нарисованных в ночном небе звёзд. Вездесущие гидростанции и водные фермы выглядели подобно огромным, размером в несколько километров круглым бассейнам.

Париж-два казался прекрасным, такими же прекрасными были крыши домов центральных районов пятнадцатого сектора, находившегося на территории бывшей Германии. Сказная утопия, сплошь из белого мрамора и металла. Ни с

одной платформы не рассмотреть землю, максимум, зелёные кроны парков и алей, с стайками голубей и влюблёнными парочками у фонтанов. Над крышами, стеклянный купол с ярко-голубым небом. Некоторым не нравились подобные голограммы, но она любила. Ей не важно, что небо искусственно. Пусть оно не больше чем компьютерная программа, зато безупречно прекрасно. Фантастическая иллюзия, которой она тешила себя всю жизнь, в надежде что умрёт от старости, а не от того что организм окончательно отвергнет имплантаты.

И если бы не больное сердце, её врождённый дефект мог в какой-то мере оказаться полезным, ведь из всех людей, она одна из немногих, кто в силу генетики не пользовались ЛИЧ-ом. За место ЛИЧ-а Эмма обладала льготной карточкой особого члена общества: хорошие скидки, возможность изредка получать бесплатные путёвки и личный социальный агент, раз в месяц узнававший всё ли у неё хорошо и что она хотела бы изменить в жизни. Эмма отшучивалась, говорила, что менять ничего не хочет, разве что кто-то может ей предложить новую ДНК, взамен бракованной.

Год назад это ещё походило на шутку, сейчас, жестокая необходимость. Её организм, в довесок, отвергал донорские органы. Этаким вид мутации, вызванный то ли плохой наследственностью, то ли некачественной экологией. А скорее тем, что мама употребляла тяжёлые наркотики, когда вынашивала дочку. За что потом и корила себя всю жизнь. Отца

Эмма не знала, матушка не особо представляла, кто именно из ухажёров являлся папочкой ещё не родившейся дочурки. Всю беременность, Леновски старшая пыталась восстановить связи со всеми, с кем могла быть на момент зачатия. Однако, как только все очередной кандидат узнавал о возможном отцовстве, связи с горе матерью рвались всеми доступными способами.

Так, оставшись одна, ещё не безденежная, но аморальная дама начала, ко всему прочему, колоться. С иглы её снял один странный тип, приложивший на это немало средств, что его капитал не сильно пошатнуло. Не иначе как любовь вынудила его жениться на женщине, которая вот-вот собиралась родить от неизвестного мужчины ребёнка, к тому же, наркоманке, разменявшей пятый десяток. Правда и он молодостью не отличался. Как знать, может, хотел совершить доброе дело перед смертью. Когда он скончался, на наследство накинulo такое количество стервятников, что мисс Леновски и помыслить не могла о том, что ей с дочерью что-то перепадёт. Однако перепало, и довольно львиная доля. Половина ушло на лечение дочки, половина на обустройство быта и образование. Элитная профильная химико-биологическая школа, межкорпоративный фармацевтический университет. Эмма была отличной ученицей. С её то багажом знаний о лекарственных препаратах...

Перед ней идёт чёрно белый фильм, двое возлюбленных

стоят на фоне огромной луны на балконе красивого особняка, венецианского стиля. Звук выключен. В серых глазах Эммы мелькают отражённые телевизионные картинки. Она почти не моргает. Она не хочет есть, не хочет спать. Она отказалась лечь в больницу и отписалась от соц. услуг. Ей хотелось умереть одной. Раз уж этот мир отвергает её, то она достойно сыграет роль отверженной. Всю жизнь учителя и наставники твердили ей о достоинстве, о значимости свободы личности, индивидуальности каждого человека, для которых, будущая работа Эммы могла облегчить, а то и спасти жизнь.

Хотя мама Эммы, да и сама девочка, до конца надеялись, что спасти они смогут в первую очередь себя. Мать от непереносимого чувства вины, а девочка – от метки смерти. Но не успели, даже если шанс спастись оставался. Из всего, что Эмма изучила, она усвоила лишь одно. Надежды нет. Никакой препарат, не единый метод лечения доступный науке не смог бы полностью перекодировать ДНК, убрав из его структуры все погрешности.

Она знает, а потому не бьётся в лихорадочной надежде спастись. Её парень, Март, пропал два месяца назад, когда она уже не могла тратить остатки сил и средств в надежде увидеть перед смертью как можно больше. Он не смог быть с той, чьё тело падало в обморок от любого, хоть сколько-то волнительного момента. Она его не держала. Не позволяло самоуважение.

Она одета в тонкую, словно шёлк, ночнушку чёрного цвета и длинной чуть ниже бёдер, торс обнажён, лишь выглядывают из-под прозрачной ткани кружевное бельё чёрного цвета. Бюстгальтер она носить перестала, так как он стягивал грудь, и во время приступов было просто нечем дышать. Сейчас полуобнажённое тело выглядело бледным и хрупким, кожа приобрела немного сероватый оттенок, а пальцы на руках и ногах и вовсе побелели. Глядя на себя, Эмма лишней раз убеждалась, что час уже близок. Лишь только имплантированное сердце ударит последний раз, захлебнувшись в перегное отвергающих инородный объект тканей, в её дом ворвётся команда медиков и патологоанатомов с целью докопаться, что же с ней всё-таки было и как это можно использовать? К счастью, ей уже будет всё равно. Она уже давно погружена в ожидания, и каждую минуту может наступить момент, когда эти ожидания себя оправдают.

Из окна на неё смотрит ночь. Город, рождественская ёлка обвитая мишурой всех цветов, роль которых взяли на себя автострады. Город за окном сверкает подобно углям на догорающем кострище. Остатков костров, которые они с Мартом разводили в туристическом заповеднике сектора девять, где-то на территории некогда принадлежащей Чехии. Огромные искусственные леса, которые от настоящих и не отличить. В эту глушь едут чуть ли не самые изголодавшиеся по экзотике туристы. Неделя в дикой природе. Боль тогда ещё приходила редко, а во время похода и вовсе не беспокоила, хотя им и

приходилось тащить на себе целую кипу экипировки, словно каким-то скаутом или Искателям, тех психов, исследующих пустоши. Конечно, они могли заказать транспорт, но Эмма настояла: «Чувствовать жизнь нужно всеми чакрами, а это возможно лишь при полном погружении» ... Нирване. Если бы не постоянно недовольный Март, преданный городской житель любящий ритм улиц и умеющим раскачивать его на максимум, всё было бы просто прекрасно. Она вспоминает о Марте, и к горлу подкатывает ком. Сердце снова начинает лихорадить, то ускоряя, то замедляя темп. На бледной, словно воск коже, выступила испарина.

Она поднимает слабую руку и смотрит сквозь пальцы на экран. «Нужно принять душ» ... Аккуратно спустив ноги с кровати, она постепенно касается пола. Пол кажется ненастоящим. Лишь с усилием нажав на него, она наконец то ощущает твёрдую поверхность. Теплота подступает ещё позже. Так приятно, так... реально. Она пытается встать, но голова вдруг резко начинает кружиться. Упершись руками в мягкий синтепон матраса, она всем телом повалилась обратно. Закрыла глаза. Темнота и покой. Точка космической пустоты. Бескрайняя альфа бесконечности.

Прошло минут десять, может больше, ведь она не считает время. Секунда прошедшего, равняется минуте, минута, десяткам минут и так до бесконечности. Она снова решила встать. Опереться ногами в пол, постепенно, сантиметр за сантиметром, отталкиваясь руками, пытаться встать. Под-

нявшись, стараться удержать равновесие. Она словно призрак из японского ужастика, с волосами цвета смолы до плеч и опущенной в пол головой. Десяток метров вдоль стены до следующей комнаты. Коридор с выходом на кухню и в ванну.

Свет в квартире постепенно загорается, реагируя на движение хозяйки квартиры и реакции сетчатки глаза. Коридор – сказочный грот, освещенный со всех сторон неведомым, загадочным зелёным цветом. Режим ночного освещения. Слабое шарканье едва поднимающихся ног. Ограниченный интеллект квартиры молчит, повинуюсь данному месяцу назад приказу хозяйки. Она здесь одна. Полу мертвец, призрак в рассыпающемся теле.

– Полная ванна, температура воды индифферентная, несколько грамм лавандового масла. – Говорит Эмма, заходя в небольшое помещение слева.

Она считает, что называть её ванну небольшой, довольно цинично. Сама она всегда называла её царской купальней. Словно Клеопатра, в золотом свете ламп, в медном блеске краников и ручек, в окружение фресок, на манер древнеегипетских манускриптов, она любила проводить в воде целые часы, тогда ещё счастливой, жизни. Сейчас же роскошь позолоченных статуэток кошек на нефритовых полках не вызвали в ней ничего, кроме, пожалуй, лёгкой досады, от того что всё это уйдёт на переработку. Ванна наполнилась быстро, в золотой купальне блестела от зелёных ламп изумрудная вода. Эмма аккуратно облокотилась на край и скинула с себя

скромную одежду.

Лечь и раствориться. Так же, как и всегда. Всяк пришедший, вынужден уйти. Всякий кто противится, обречён прожить жизнь, отягощённый мыслью о смерти. Девушка знала это, но знать не значит верить, тем более, когда тебе только двадцать пять. Вода в ванной не ощущалась, датчики и нагреватели трепетно поддерживали температуру равной температуре тела. От воды шёл легкий аромат эфирных масел. Погрузившись всем телом, Эмма закрыла глаза. Просто утонуть.... Это несложно. Несколько таблеток относящихся к бензодиазепинам, крепкий сон, настигающий тебя стоящей на коленях по пояс в воде и смотрящей в своё отражение. Только не забыть перед этим, отключить датчики безопасности, выжечь все платы в системе ОИ квартиры сильным и продолжительным скачком напряжения. Остаться в полном одиночестве. Наконец-то перестать бояться. Но для этого не хватит силы воли. Она всю жизнь страшилась смерти, безнадёжно цепляясь за каждый мазок на картине судьбы. Она всего лишь юная девушка, мечтающая жить.

Эмма не заметила, как задремала. Сон накрыл её разум шёлковым покрывалом и теперь не хотел отпускать, несмотря на то, что от ОИ шёл сигнал в виде тихого попискивания, оповещающего о новом сообщении. На какое-то мгновение она решила, что это то же часть сна, ведь Эмма запретила внешнему миру контактировать с ней, оставив доступ лишь тому, кто сможет её спасти. Она говорила с иронией, не ве-

ря, что чуду дано свершиться. Никакой принц не найдёт её в царстве тьмы, в плену у смерти. Слишком мало ей осталось, что бы наивно верить в чудеса. Но что, если...

Лишь только мысль закралась в голову, как в груди иголкой запульсировало сердце. Она перевела дыхание, стараясь привести нервы в порядок. Но шальная надежда словно огромной красной тканью махала перед ней, подобно алым парусам, оповещая ту, что она спасена!

Эмма чудом заставила себя успокоиться. Перед глазами шли круги, в ушах глухими ударами отзывался пульс. Боль в груди стала постоянной, тянущей, но не острой, приступ прошёл. Встав на малахитовый кафель, она подобрала с пола ночнушку и, на ходу накидывая её на плечи, направилась в спальню, к небольшому углублению в стенке, закрытым едва заметной дверцей, под цвет глянцевых белых стен. Из углубления, наполненного лекарственными препаратами, она достала одну таблетку успокоительного. Проглотив её одним движением, она решила вернуться на кровать. Ванная утомила, короткий сон, встревоженный звонком, не слабо ударил по нервам. Лекарство уже начинало действовать, когда она легла на мягкий матрас кровати, покрытый синтетическим шёлковым покрывалом. Теперь можно прослушать сообщение. Она дала команду на воспроизведение.

"Мисс Леновски, доброго Вам времени суток" – К удивлению, это оказался аудиофайл без какого либо видеоряда. –

"Меня зовут Адам Вебер, я обращаюсь к Вам от лица корпорации WNW. Безусловно, Вам знакомо моё имя и я не сомневаюсь, Вам интересно, откуда я знаю Ваше, но об этом позже" – В это было совершенно невозможно поверить. Вебер являл собой личность мирового масштаба. Такие как он, не пишут простым смертным. – "Для начала примите искренние соболезнования в связи сложившегося в Вашей жизни положения. Мне крайне неловко обращаться к вам в столь трудный для Вас момент, впрочем, обстоятельства вынуждают действовать без промедлений, дорогая Эмма, простите мою фамильярность" – Несмотря на ноты отеческой заботы, голос Вебера звучал твёрдо, уверенно, от него веяло властью. – "Я внимательно изучил Ваше досье, да, даже мне порой приходится лично ознакамливаться с досье перспективных для корпорации и меня лично, кадров. Там я нашёл все подробности болезни, с которой Вы столкнулись. Хочу заметить, для Вас лишь я остаюсь спасительной соломинкой, которую, не без личного желания, я готов Вам протянуть. Мой аналитический отдел провел полное прогнозирование возможного исхода, в случае Вашего отказа от предложения WNW. Увы, их заключения Вам хорошо знакомы. На Вашем месте, я бы изо всех сил старался этого избежать"

Эмме показалось, что речь главы WNW опутывает её, не давая выбраться из подготовленной западни. К чему все эти недомолвки? Она поставила запись на паузу и запросила у квартиры проверку цифровой подписи. ОИ подтверди-

ло личность отправителя. Вряд ли хоть кто-то смог бы подделать подпись ЛИЧ-а Адама Вебера. Она посмотрела на экран перед собой. ОИ выводил всё прозвучавшее строчками чёрных букв прямо на застывший бесцветный кадр с двумя влюблёнными, стремящимися сомкнуть губы в страстном поцелуе. В любом случае, нужно дослушать сообщение до конца, подумала она, давая команду продолжить воспроизведение.

"..К счастью, я могу сделать так, что это будет в Ваших силах. Условия, на которых я хочу оказать Вам помощь, могут показаться Вам излишне радикальными, но я всё-таки не советую спешить с выводами. Тем не менее, ответ, как Вы и сами догадываетесь, не ждёт отлагательств. В подтверждение своих слов, я бы хотел поделиться некоторыми записями из проведённого анализа. Вам осталось жить не около тринадцати суток. Даст Бог, это не сильно Вас шокирует, а лишь натолкнёт на принятие правильного решения. Поймите также, что после Вашего согласие, если таковое последует, Вам потребуется около недели для подготовки и ещё недели для осуществления поставленной пред нами задачи. Надеюсь, у меня есть повод считать, что начало положено, дорогая Эмма, а посему, наконец, перейду к сути контракта. В первую очередь, хочу сразу Вас предупредить. В виду деликатности, корпоративной этики и уровню секретности, я не вправе говорить начистоту. Несмотря на это, я постараюсь, как можно более развёрнуто описать всё то, что моя корпорация может

предложить. Перейдём к делу. Как Вам известно, WNW является крупнейшим производителем программного обеспечения и лидером на рынке устройств Внешней и Внутренней сети. Мои люди разрабатывают и совершенствуют системы ограниченного интеллекта, создают новые технологии в области нано электроники и методы взаимодействия с нейроимплантами. На сегодняшний день, нет ни одной корпорации, способной составить нам конкуренцию в этой области рынка. Одной из моих команд в области изучения ОИ, удалось найти некоторые изъяны в структуре внутренней сети, а также в оперирующих ею моделях ограниченного интеллекта. Какие именно, я сообщу Вам во время нашего личного разговора. Для устранения этих и тому подобных уязвимостей в штат моей корпорации требуется специалист индивидуального профиля. “Внутренний оператор сети”. Можете не тратить время на запросы. Термин никогда не применялся в том назначении, в котором ныне его применяют мои сотрудники. Естественно, я не стану оспаривать Ваше желание выяснить, каким же образом это может спасти Вам жизнь. Мне искренне жаль, что я не вправе сообщить это по средствам Внешней Сети, но поверьте, стоит Вам согласиться, карты будут раскрыты и Вам не придётся ни о чём более беспокоиться. Надеюсь, предложенное Вас заинтересовало, а потому, смею завершить это краткое письмо. Если я не ошибся в Вас, в названии аудиофайла присутствует код, который стоит предъявить опознавательной программе Внешней Сети при

посещение указанного там же адреса.

С уважением, Верховный корпоративный директор корпорации объединённых компьютерных сетей WNW Адам Вебер»

Эмма попросила ОИ прокрутить сообщение ещё раз. Излишняя скрытность, с которой говорил Вебер, если это действительно он, наталкивала на мысль о явном подвохе, не этичном и явно нарушающим межкорпоративные законы. Вместе с тем нельзя исключать некую революционная методика лечения, которая в свою очередь, могла вызвать волну корпоративного шпионажа, чему WNW, конечно же, рады бы небыли. Оставался вопрос выбора: первое, второе, а быть может третье, о котором она и помыслить не может.

За окнами начало светать. Сквозь тёмные обелиски домов, жёлтым штрих кодом поднималось солнце. Ещё один день. Если верить письму, ей предстоит увидеть ещё двенадцать, в лучшем случае.

Она просит Ограниченный Интеллект квартиры вывести название файла на экран напротив кровати. Застывший кадр мелодрамы заволакивают ровными строчками буквы и символы. Что ж, она ожидала чего-то более простого, но и это не беда. Разум под действием препарата слегка притормаживал, застывшая картинка на заднем фоне подрагивала, точно влюблённые истомились в ожидание поцелуя. Эмма не жалела, что приняла успокоительное, иначе столь близкая на-

дежда на спасения, убила бы её.

– Скопируй, – хриплым, уставшим голосом, сказала она в пустоту квартиры. – Предъяви оператору внешней сети WNW. Выведи смоделированную голограмму сайта в центр комнаты.

Изображение на заднем фоне пропало, рассыпавшись на тысячу мошек, буквы начали беспорядочное движение, от чего девушке стало не по себе. Эмма попыталась закрыть глаза, но неожиданно для себя поняла, что не может этого сделать, поскольку она их не открывала....

Чёрная, грубая кора покрывает огромный ствол, который и двадцать таких же как она девочек никогда бы не обхватили. Под ногами ветвистая сеть корней и твёрдая почва, сквозь которую редкими кустиками прорастает жухлая трава. Она поднимает голову и видит, как сквозь густую листву, на высоте выше ста метров, над прозрачными стёклами купола светит нарисованное солнце, слабый ветер срывает с столетнего дуба листву, и та падает, застревая в тёмной копне волос Эммы. Недалеко звонко журчит ручей. В гроте неподалёку капли отбивают звонкую симфонию на множество голосов. Где-то над головой поют птицы и шумят, касаясь друг друга, ветви. В руках тёплая сухая рука, с небольшими морщинками. С лёгкой печалью на лице смотрит на Великий дуб мама, а Эмма всё никак не может понять причину её грусти. Сквозь запах маминых духов, доносится аро-

мат цветов, посаженных вблизи родника.

Она открывает глаза, прижавшись спиной к гладкой стене, покрашенной в белый глянец. В комнате холодно и пусто.

Она в ужасе думает, что это сон, при этом ощущая по остаточному действию успокоительного, что всё случилось взаправду. Она просит ОИ повторить сообщение, но он, голосом, который мог бы подойти торговцу магазина на диване, сообщает что сообщение удалено. Она пытается вспомнить, давала ли ОИ команду на это, и понимает, что ничего подобного не делала. Как и не разрешала тому говорить.

– Последние посещённые сайты. – Спрашивает она сиплым голосом.

ОИ выдаёт ссылки месячной давности. "Неужели галлюцинации?" думает она. Эмма смотрит на открытый ящик с лекарствами, пытаясь вспомнить всё что произошло вчера. За окнами, блестит зеркальными стёклами небоскрёбов, наступивший день.

«Я точно помню, что приняла успокоительное после поступившего сообщения, хотя слушала я его после... Неужели сказанное там и вправду мне причудилось...».

Эмма ёжится и обхватывает прижатые к груди колени тонкими руками. Кожа холодная, на ощупь напоминает воск. Она решает, что нужно поесть, хотя бы несколько углеводов.

но-белковых таблеток и стакан минералки. Ей трудно мыслить, таблетки смогут дать минимум необходимых для организма веществ. Собравшись с силами, девушка побрела на кухню.

Открыв небольшой широкий холодильник причудливой формы, похожий на бутылку из-под газировки, она достаёт из отдела в двери банку УБТ. Последнее время ничего иного она не ела. Желудок негодуяще заурчал, призывая изменить решение. Прислушавшись к мольбам уставшего организма, она осмотрела содержимое холодильника. Не густо. Она решила поесть рис и рагу из кабачков. Достав упаковку, девушка внимательно осмотрела этикетку. Как она того и ожидала, просрочено. Она берёт с кухонного стола крошечную гарнитуру что бы заказать еду на дом, но в это время раздаётся телефонный звонок. Она смотрит на холодильник, на гладкой поверхности которого высвечивается информация о звонившем.

ФИ: Вебер Адам

ДР: 30.01.2003

Должность: Верховный корпоративный директор

СС: 954

Как правило, после социального статуса указывался ЛК, личный код по которому с звонившим можно связаться тем или иным способом, но сейчас глава крупнейшей мировой

корпорации, решил его сокрыть, чему Эмма вовсе не удивилась. Не удивилась Эмма и показателю соцстатуса, который в переводе на слова, означал «Почти бог». Она надела гарнитуру на голову и нажала крошечную кнопку «ответ» на душе.

– Доброго дня, мисс Леновски, я Вас не побеспокоил? – голос, тот же, что и в сообщении. Тёплый, но при этом официально-деловой. Вебер сочетал в речи всепрощение святого отца и генеральскую твёрдость.

– Нет.... Кху, кху... нет, простите – она достаёт бутылку минералки и онемевшими пальцами пытается открыть крышку, что удаётся ей, лишь зажав бутылку меж колен. Немного вспенившейся воды проливается на колени и бёдра.

– Выпейте, Эмма. Я представляю, как трудно так сразу начать беседу после месяца затворничества. – голос звучит убедительно, сопереживающе. Эмма сделала пару глотков, которые прошли будто кубики льда, цепляя стенки пищевода.

– Мистер Вебер...

– Можно просто Адам, Вы ещё не моя подчинённая.

– Мистер... Адам, хорошо... К чему всё это? Это Вы влезли в мой ОИ и стёрли своё же сообщение? – голос Эммы наконец то поборол утреннюю осиплость.

– Эмма, поймите, в этом нет ничего странного, а уж тем более того о чём Вам стоит переживать. – казалось, что мужчину по ту сторону связи, удивил вопрос девушки. –WNW

разработало Ваше ОИ, а также другие подпрограммы Вашей квартиры. Несмотря на то, что мы стараемся не прибегать к подобным методам, для нас совершенно не сложно подкорректировать воспоминания ограниченного интеллекта. И, не считите за грубость, разве этот вопрос Вас должен беспокоить, Эмма?

Девушка молчала. Вебер был прав. Она просто боялась спрашивать о том, что тревожило её на самом деле. Вдруг чудодейственное лекарство окажется не тем, на что она надеется?

– Эмма, можете не спрашивать, – будто читая мысли, продолжил мужчина. – Я всё равно не смогу сейчас ответить. Вчера Вы посетили специально смоделированный для Вас сайт, подтвердив тем самым, что годны для предложенной работы. Машина ждёт Вас на двенадцатой стоянке, если хотите, водитель встретит Вас на выходе из квартиры. Я абсолютно уверен, что вы не сможете преодолеть путь до стоянки сами.

–Нет-нет, спасибо. Стойте, какая машина? – она с непониманием отрицательно потрясла головой, скидывая чёрные волосы с лица. – Вы о чём? Мистер Вебер, я не собиралась ни куда...

– Эмма, дорогая, успокойтесь, я в самом деле желаю Вам помочь. Поверьте, у меня есть на то причины!

– П-простите... – скромно сказала Эмма. В самом деле, её стороны совершенно непозволительно заподозрить в чём-то

подобном человека, чей СС говорил о том, что ему необходимо верить, как никому из ныне живущих.

– Не стоит, дорогая. – интонация мужчины приобрела что-то схожее, с одобрительной речью отца с невинно провинившейся дочерью. – так мы договорились, я присылаю водителя?

Она закусила нижнюю губу. Немного поразмыслив, девушка согласилась, попросив лишь пятнадцать минут на сборы. Взяв бумажное полотенце, она вскользь протёрла облитые минералкой ноги. Пол она решила не трогать, побоявшись перегрузить измученное тело. Мир и так подобно маятнику слегка покачивался перед глазами. Пройдя в спальню, она придирчиво осмотрела гардероб. Несколько пар деловых брюк и юбок ниже колен, пять сорочек разных оттенков голубого и одна белая. Тёмно-синий жакет. Парочка платьев, одно из которых она решила одеть. Собравшись, она посмотрела в зеркало. Бледный манекен, на котором одето белое платье с принтом в виде хаотично разбросанных чёрных и серых прямоугольных фигур. Платье разделяет широкий пояс, на ногах белые босоножки с невысоким каблуком. Из макияжа, только синяя тушь и тени на глазах. В последний раз осмотрев спальню, она направилась к выходу. От чего её не покидает чувство того, что назад она не вернётся?

– Не очень то и жаль... – говорит она пустой квартире, перед тем, как оторвать дверь.

Глава 3. Беги, Макколди

На улице стояла ночь. Не совсем уместное слово для описания не знающей сна ночи. Весь сектор – это бессмертный механизм, чьи жернова без конца перемалывают тела и души рабов системы. Ты устал от этого, Макколди. Тебе никогда не нравился такой темп, но тебя никто и не спрашивал.

Как и не спрашивали тех, кто попал в исправительные колонии или уронил свой СС до планки ниже сорока. Ты каждый день видишь их, сломленных системой, корпоративной этикой и нескончаемой жадной наживы. Твой СС не катится вниз до той поры, пока от тебя есть польза. Любой протест и несогласие, попытка завладеть собственной жизнью, немедленно карается.

Впрочем, и сегодня можно встретить на улицах и в подворотнях, в коридорах низкосоциальных жилых блоков и общественных столовых, в дешёвых забегаловках и у дверей миссионерских больниц, сброд, чей соцстатус копошится в районе двадцатки. Дальше индекс падения замедляется настолько, что самого дна им не достигнуть до самой смерти. Пока они ведут себя тише воды, корпорация позволяет им свободно волочить своё жалкое существование. Любая помяха системе – билет в колонию.

Твоя корпорация не хочет, чтобы ты жил счастливо. Твоя корпорация пихает в тебя социальные ролики, тут и там торжественно разносящиеся по всему, что способно воспроиз-

водить изображение или хотя бы звук. Каждая свободная дыра в рекламном, познавательном, а так же развлекательном эфире тут же заполняется «Высшей свободой, которая дарована всем нам новым Корпоративным МИРОВЫМ порядком». Свободой выбирать, кем ты хочешь стать, нулём или единицей, переменным сигналом, в вечно меняющейся демографической матрице. Тебе, Стив, досталась функция нуля в бинарном коде сложной программы, главной целью которой, вынудить каждого верить в личное счастье. Но тебя-то так не проведёшь, детектив. С твоим-то отсутствием веры.

Разве это счастье, жить в захламлённой крошечной халупе, в одном из строений типа F4, полных бетонных клеток с протекающим потолком, без отдельных санузлов и кухонь? Всякий раз, желая помыться, местным жителям нужно посещать общественные купальни для индивидов с СС от сорока до восьмидесяти, которые находятся на подвальном уровне. Ты, о чудо, можешь мыться в душевых следственного отдела. И от твоей работы есть польза, Макколди.

Каждый раз, когда жильцам четвёрок хочется есть, они, согласно соцстатусу, отправляются в предназначенные им общественные столовые, под бравладу пропагандистских роликов. «Отныне, проблема мирового голода решена, DuOtis совместно с NewMedical являются одним из крупнейших поставщиков зерновых культур и мясной продукции. Каждый корпоративный сотрудник имеет полное право посетить об-

ществленную столовую и получить норму необходимого рациона для взрослого, состоятельного, здорового индивида». На индивида с СС ниже ста полагается некая субстанция внешне схожая с картофельным пюре, со вкусом клея для бумаги и, по словам маркетологов, насыщенная витаминами вода, она же ВЖ, витаминизирующая жидкость, в количестве двухсот пятидесяти миллилитров. И здесь твоя работа тебя бережёт, детектив. Ты ешь на службе здоровую, вкусную пищу, хотя и синтетику, ну тут уж ничего не попишешь, иначе проблему мирового голода не решить. Но ты ведь знаешь решение, Стив. Если кому-то нечего жрать, тогда зачем его рожали? Закон джунглей, естественный отбор. Ты так уверен в том, что в твоей паскудной бедняцкой жизни виновато перенаселение.

Перенаселение спонсирует корпорация, которая изо дня в день выплачивает тебе честно заработанные кредиты, которая подаёт заявку на поднятие твоего соцстатуса в межкорпоративный комитет, когда ты послушно выполняешь команды. Макколди сидеть, Макколди голос. Макколди заткнись и знай своё место. Корпорация выплачивает пособие всем, кто живёт на её территории. Дешёвая рабочая сила, способная копошиться в дерьме отстойников и канализаций, чистить бетонные площадки стоянок и рынков, засанные подъезды и засаленные лифты.

Для тех, кто работать не любит, корпорации построили исправительные центры и колонии. Любой, даже самый фа-

натичный и безбашенный отморозок, выходит из них паинькой. Тебе знакомы их методы.

Первое, на завтрак, обед и ужин: БУТ-ы, не больше одного на человека. Углеводно-белковые таблетки нельзя называть деликатесом. Сожри хоть пол пачки, желудок будет жаловаться на чувство голода до той поры, пока не атрофируется. Жертвы репрессий, сидящие на хлебе с водой, чувствовали себя более сытыми.

Второе, никакого досуга. Заговорил, разряд. Задремал, разряд. Решил пройтись по изолятору, что бы размяться, разряд. Разряд просто так, без причины. Разряд, разряд, разряд!

Третье, обколи психотропами, что бы время превратилось в вязкое, бесформенное желе, размазанное по мягким стенам и полу. Что бы мысли слипались и перемешивались, заполняли несуразным сумбуром чугунную голову.

Последнее, не забудь применить силовое воздействие. Бесконечные разряды вызывают привыкание, нужно быть находчивее, но без садизма, чтобы не спровоцировать МежКом на действия в защиту прав человека.

Тебе не раз приходилось сажать очередных кандидатов на драинье санузлов в камеры первичного исправления. Самая отвратительная сторона работы. Ломать жизни людей. Быть частью бюрократической машины. Ты ненавидишь себя за то, что стал инструментом в руках корпоративных палачей. Ты так уверен, что в этом виновата бюрократия.

Ты сидишь на комфортном сиденье патрульной машины и смотришь на застроенные пейзажи сектора. Здесь всё выглядит куда привлекательней, чем из окна твоей коморки. Чёрные корпуса вертолётов почти всегда пролетают где-то над вами, мигая разноцветными сигналами на днище. Полированные борта мимо проносящихся автомобилей отзеркаливают свет сигнальных огней вашей машины. Стёкла затонированы, лишь в некоторых можно разглядеть пассажиров. Красивую девицу в белом полушубке и оголёнными по самые бёдра гладкими ножками, которые не хуже машины отражают красные и синие всполохи света. Двое молодых людей слились в жадных поцелуях и явно готовы перейти к большему, правда не поймёшь кто из них какого пола. Их машина заворачивает в другую сторону. Девочка лет пяти играет с мягкой игрушкой в виде кролика едко розового цвета и огромными стеклянными глазами.

Тебе не нравится, что она едет одна, и ты отворачиваешься, переводя взгляд вперёд, туда, где за рулём сидит один из твоих сегодняшних напарников, Тим Форест, патрульный районного отделения охранного филиала сорок третьего. Всё это ты читаешь на сноске рядом с его головой. Служба – противник всякой анонимности. Форест слегка полноват и носит идиотские густые усы, похожие на обувную щётку. Странный тип. Откуда только трёхзначное число в соцстатусе.

В кабине патрульного автомобиля глухо. Тишина такая,

как если бы ты закрыл ладонями уши. Давящая. Гнетущая. Ты не против тишины, но никак не можешь к ней привыкнуть.

По правое плечо от водителя сидит Дино Маракао, внешне типичный итальянец. Ты с ним уже как-то пересекался, правда, тогда он нёс службу в другом патруле. Странно, что ты его запомнил, Макколди, вы перекинулись всего-то парой слов. Дог замечает, что ты на него смотришь, и протягивает газировку.

– Нет, спасибо. – Отказываешь ты, то ли от брезгливости, то ли от того, что из принципа не хочешь брать чужого.

– Тебе понравится, амиго. – Маракао заговорщицки подмигивает. Лицо не брито, это наводит на мысль о том, что у криминалистов всё спускают с рук.

Ты всё же протягиваешь руку и берёшь холодную бутылку из быстроразлагающегося пластика. Делаешь пару глотков и понимаешь, что в газировке есть что-то ещё. Что ж, узнаешь по прошествии пары минут.

До конца патруля четыре часа. Ты видишь это в нижнем поле зрения. Ты откидываешься на спинку и закрываешь глаза. Спать тебе, разумеется, не положено, но никто же не запрещает думать с закрытыми глазами, к тому же ЛИЧ, в случае чего, начнёт подавать в уши трель будильника. Штука отвратительная, но в патруле обязательная.

–Эй, Тим. А ты кто по национальности?

Вопрос как бы сам вылетел с губ. Ты открыл глаза и понял,

что сон улетучился. Тебе вдруг невыносимо захотелось разрушить раздражающую тишину, обволакивающую со всех сторон. Водитель подозрительно посмотрел на тебя в зеркало заднего вида, Дино издал гогочущий смешок.

– Это служебный вопрос, Сэр?

– Сэээээр... Сэр ли? – передразниваешь его ты. – Да расслабься, субординация для шишек. В одной шлюпке... Эээ... Или лодке... плывем, в общем, живём.

– Стив, а да ты прям кладезь пословиц – говорит Маракao и заливается тупым смехом. Ты, не найдя что сказать в ответ, то же начинаешь смеяться.

Замолкаешь, лишь, когда замечаешь, поднятую руку водителя, призывающую создать тишину.

Ты слушаешь как ОИ авто передаёт вызов. «Район пятнадцать, улица сто четырнадцать. Неопознанное тело без признаков жизни. ЛИЧ не распознан. Всем свободным машинам немедленно прибыть...»

– Так, всё! Хватит ржать! – орёшь ты и толкаешь в слишком длинную для законника шевелюру пытающегося сдержать смех итальянца.

Он растерянно смотрит на тебя. Дилетант. Совсем не привык к спидам, не то что ты, Макколди. Ты тип прожжённый, с твоим-то прошлым до академии.

Ваша шайка называла себя Стригерами. Ваша шайка ширялась на твой счёт только лучшим. Почти всегда, все члены банды находились под кайфом. Весёленькое время, да,

Стив? Или Стиви Кол? Девочки тебя любили, а ты почти никогда им ни в чём не отказывал. Макколди, помнишь Геру? Девочка с зелёными длинными дредами и заплетёнными в них розовыми нейлоновыми лентами? Конечно, ты её помнишь, первая любовь не проходит бесследно. Она до конца оставалась тебе верна, хотя ты и перетрахал всех, даже занятых, но это значения не имело, с твоим-то кошельком.

А ещё, ты помнишь, чем всё закончилось. «Продажная паскуда, Стиви! Ты корпоративная сучка! Ты сдохнешь, Кол! Тебя прикончат, падла!» орала она, когда ты сковал ей руки, уперев красивое личико в бетон канавы так, что на нём отпечатались следы кислотной косметики. В этой канаве, остатки Стригеров торчали от какой-то запрещённой дешёвой дури купленной на кредиты, содранные со счёта очередного дурня, не побеспокоящегося о нормальной сетевой защите. На этом заканчивалась твоя практика на четвёртом курсе академии DuOtis. Тогда ты был таким послушным юным «почти офицером», так вас там называли инструктора.

Отбрось мрачные мысли, Макколди. Работа не ждёт. Пятнадцатый район – это не шутки, Стив. Пятнадцать – значит окраина сектора. Там и дышать то без фильтров вредно, а разгуливать вот так, по форме, без приличного снаряжения почти самоубийство. Понятное дело, что едите вы туда не одни. Ваша задача прибыть. Дело же поручат самому компетентному... Или самому невезучему следователю, тут уж в зависимости от значимости того, с чем придётся столкнётся-

ся на месте происшествия. В любом случае тебе не повезёт, Стив. И ты это знаешь. Ещё ты знаешь, что подобное почти никогда не случается. Тело, которое не удаётся распознать. Безличный или просто нацепивший на шею глушилку? Корпоративный шпион?

Первое ты почти тут же отбрасываешь. Все те, кто отказался от чиповки, или, как говорили тогда, «линчевания», вынужденно сталкивались с тотальным голодом, невозможностью обеспечить себя всем необходимым для выживания. Какое-то время их ещё поддерживали различные миссионерские организации и благотворительные фонды, но в течение пары лет, все те, кто не до конца разорились на поддержке глупых этических принципов и упёртых баранов, придерживающихся их, выбрали себе куда более целесообразные цели, оставив немногих «безличных» на произвол судьбы. После этого, всех кто отказался проходить процедуру, либо линчевали путём силовых уговоров, либо ссылали в Пустошь. В организованные пункты «вне корпоративного ведомства».

Приближаться к территории секторов им запретили, так как там сплошь и рядом располагалась частная собственность. А любой просочившийся без разрешения, распознавался как нарушитель, которому понижали СС и списывали несколько десятков тысяч кредитов. При отсутствии первых двух пунктов, следовал арест с последующим направлением на исправительные работы, до той поры, пока провинившийся не погасит всю сумму и проценты, которые корпорация

назначала в счёт погашения внесённых за безличного, кредитов. И ты прекрасно знаешь, что процент всегда выше выдаваемой заключённому зарплаты. Чаще всего, безличных просто вышвыривали обратно за границу сектора. Предварительно, само собой, выяснив, как тому удалось проникнуть сквозь герметичные стены и системы проходного контроля. Дыру спешно заделывали и, со временем, для безличных путь в сектора оказался закрыт.

Таким образом, проблему этой категории населения удалось решить и вот уже семь лет (что было до начало твоей службы, тебя ведь никогда не волновало, детектив) ни одного подобного происшествия не случилось. Именно поэтому первый вариант ты отбрасываешь. Тогда может глушилка? Нет, она оставляет помехи, да и стоит не мало. На окраине, а именно там обнаружили труп, её бы сняли ещё до того, как тело успело бы остыть. Остаётся шпионаж, либо диверсионная деятельность. Особо удивляться здесь нечему. Корпорации никогда не оставляют друг друга в покое. Жаль только, что боги ведут войны руками коленопреклонённых. Ты ненавидишь быть пешкой в чьей-то игре. Ты считаешь, что в твоей обречённости виноваты корпорации.

По сиденью машины поднимается лёгкая вибрация, спустя секунды, стоящие рядом автомобили, уходят в низ, в то время когда ваш поднимается чуть выше трёх метров над уровнем шести полосной трассы. Вы набираете скорость с характерным ровным гулом внутри салона. Тим включает

звуковой сигнал. Дорога на такой высоте почти свободна, за исключением редких правительственных машин с голубыми сиренами, холодным светом выражая признание к тем, кто под ними. ОИ оповещает, что дорога займёт порядка пятнадцати минут, ты прикидываешь, что это совсем близко.

–Эй, Стив. Чё за дерьмо, такое разве бывает? – спрашивает тебя Дино.

Ты смотришь на него из подлобья и пожимаешь плечами, разводя одновременно ладони в стиле «Хрен его знает». Дино обречённо вздыхает, чувствуя, что работа вместе с причитающейся премией уйдёт к другому патрулю.

Спустя десять минут дорога становится хуже, машина то и дело проваливается вниз, подкидывая с кресел своих пассажиров. В результате одной из таких ям, Маракао, матерясь, ударяется головой об прорезиненный пластик крыши.

–Мьерда! Сажай её на дорогу, каброн! – орёт он на водителя, почёсывая ушибленную макушку. Тот, в свою очередь, нажимает несколько тумблеров около руля и аккуратно клеивает машину в редкий движущийся поток пограничной автострады. Вы уже в пятнадцатом районе.

Пятнадцатый не любит гостей. Глядя в окно, тебе кажется, что он вообще никого не любит. Магнитный слой шоссе здесь совсем тонкий, поэтому Тим решает переключиться на шины. Всё происходит почти беззвучно, небольшое проседание амортизаторов и вы на твёрдой земле. За окном ты видишь разруху и бедность заброшенного индустриаль-

ного пригорода. Твой район начинает казаться технологическим Вавилоном в сравнение с тем, что окружает вас сейчас со всех сторон. Дорога подсвечена не диодными лентами по линии обочины, как это сделано почти везде, а фонарными столбами с заляпанными пылью стёклами, светящимися жёлтым, рассеянным светом. Местами лампы в столбах сгорели, либо же светят едва заметно, не оказывая никакого эффекта на тёмную дорогу. По обеим сторонам вашего маршрута, дома в виде прямоугольных покрытых плесенью монолитов, с чёрными квадратами окон, словно иссечённых гигантскими термитами. В некоторых горит свет, вырывая из тьмы захламлённые квартиры, в которых изредка мелькают тени тех, кто доживает там никчёмную, никому не нужную жизнь.

Искорёженные, старые машины припаркованы в хаотичном порядке вдоль домов. На разбитых тротуарах среди гниющих куч мусора, на разломанных, покрытых ржавчиной, детских и спортивных площадках никого нет. Смотри, Макколди. Это твоё светлое будущее, в случае, если ты всё так же дерьмова будешь выполнять свою работу. Не пытайся отвести взгляд. Сравнивай со своим внутренним миром. Похоже? Ты такой же пустой, брошенный и догнивающий. Твоя злость это рухлядь, которой давно пора на свалку.

Мусорные баки прижались друг, к другу забившись в тёмные переулки между домами. Ты смотришь на дорогу и замечаешь, что движения здесь отсутствует, лишь где-то вдали

проехал старый, рокочущий разбитым двигателем, автобус. На заброшенных баскетбольных площадках с покорёженными столбами без колец тусуется какой-то сброд, окруживший бочки, с зажжёнными в них кострами, дымящими в смрадный купол над головами чёрным смоляным дымом.

Машина выдаёт посередине салона 3D проекцию, карту места преступления. Красная точка, место положения тела, синяя вы... Вас разделяют несколько поворотов и домов. Дорога подымается выше, вам приходится свернуть на тротуар. Спустя сотню метров, путь преграждает перевёрнутый мусорный бак, размером чуть меньше вашего автомобиля.

Ты тихо выругался. Не горячись, детектив, проверь экипировку. Тазер на четыре выстрела в кобуре, шокер на бедре и две ленты наручников на поясе. До блеска начищенные берцы на ногах. Внешний интерфейс в нагрудном кармане для запечатления картины преступления, а так же получения дополнительной информации в тех случаях, когда ЛИЧ не способен выдавать изображение прямиком на сетчатку. Ты надеваешь его на правый висок, холодный пластик приятно касается горячей кожи. Ты вспотел, Макколди. Чувствуешь подступающий адреналин, сосущее волнение где-то на уровне живота. Краем глаза ты замечаешь, что твои напарники то же проверяют всё ли взяли. Маракао достаёт из бардачка небольшую сумку со своими криминалистическими принадлежностями.

Открыв дверь машины, ты замечаешь, что вы припарко-

вались прямо в центре огромной смрадно пахнувшей лужи. Хорошо, что форменная обувь не промокает. Вы выходите, и в лицо тебе ударяет сырой, холодный ветер. До тебя доходит, что запах исходит не от лужи под ногами, а от всего района. Пахнет так, будто ты попал в вентиляционную шахту, набитую дохлыми крысами. Ты поднимаешь голову, что оценить состояние потолочных конструкций уровня. Проекция неба здесь почти отсутствует. Густая чёрная пелена пугающе громоздка и далека. Без неба, сектор похож на гигантскую пещеру, своды которой теряются в темноте. Наверняка, никакие климатические установки здесь не работают, а если работают, то не так как надо, о чём можно судить по размерам луж. Стоки забиты. Вентиляция залита неочищенной водой и продувные установки, предназначенные для обеспечения циркуляции воздуха, вместе с ним выдувает на местных жителей потоки дерьма, осевшего в трубах. Даже тебе, с твоей страстью к саморазрушению, становится боязливо за здоровье своих лёгких.

Правы были защитники окружающей среды, когда кричали о замене двигателей внутреннего сгорания на экологически чистые аналоги. Озоновый слой, под слоем облаков уже почти порвали, ледники таяли, затапливая береговые линии. Климат необратимо менялся, погрузив половину Европы в состояние вечной поздней осени, превратив большую часть России и Азии в безжизненные болота и торфяные кладбища. Растительность чахла из-за чрезмерного ко-

личества осадков или их недостатка. Когда правительства решили бросить все силы на борьбу с экологической катастрофой, спасение безнадежно запоздало. Ты считаешь, что в изменение климата виноваты правительства.

Оказались правыми хиппи и прочие психи гуманизма, в прошениях разобрать ядерные ракеты. Как будто миру было мало уничтоженной Северной Кореи. Если бы ракеты сослали в утиль, третья мировая не уничтожила бы мир. Каждый знал, к чему это приведёт. Они называли это ядерным щитом, но использовали как меч апокалипсиса.

Когда войскам НАТО оставалось каких-то пары шагов до завершения войны, Силы Восточного Оборонительного Союза "подрывом" нанесли по ним самоубийственный удар. Ты знаешь примерное число погибших, так как в академии изучал историю. 2,5 миллиарда жертв, Южная и Центральная Америка, Центральная Африка, Европа, Австралия – сплошная радиоактивная пустыня. Даже Индия, считавшаяся союзником войск ВОС, попала под раздачу. Ответ НАТО не заставил себя ждать. ВОС был стёрт с лица земли.

Те, кто уцелел, на примере других, сменили воинствующую маску национализма, на корпоративную милосердную этику, готовность заново отстроить мир, избегая ошибок прошлого. Люди купились, так как корпорации стали единственной нитью спасения. Выжившие закрыли глаза, что новоиспечённый директор Azuma Araiatsu, генерал Горелов, был одним из тех, кто организовал "Подрыв". Приняли мар-

шала Пауля Ферне, руководящего войсками Объединённого Антитеррористического Блока, как спасителя, поверив, что сменив название на NewMedical, ОАБ перестал быть военной корпорацией. Всем плевать, кто нажимал красные кнопки и спонсировал войну. Когда на кону выживание, разве важно от кого последует помощь, будь то хоть сам дьявол? Ядовитые осадки, дети с врождёнными дефектами и предельный радиоактивный фон послужили отличными инструментами для подчинения корпоративной власти остатков населения земли.

Что бы выжить, человечеству требовалось панацея, лекарство от войны и непригодной для жизни планеты. Для этого нужны были ресурсы, власть, хорошая организация, а также технологические возможности. Всем этим владели корпорации и правительства, которым спешно пришлось подстроиться под корпоративную модель управления. Они же и поделили мир между собой, запланировав отстроить сорок пять секторов, расположив их на более-менее сохранившихся в целостности островах суши.

Твой отец был причастен к их разработке. Свой талант он всецело отдал на то, что бы жена и сын не погибли от последствий ядерной войны. Ты мало что помнишь о его работе, хотя он почти всегда был погружён в неё с головой, говорил о новых решениях и находках за семейным столом и во время редких воскресных прогулок. Тебе казалось, что он любит тебя куда меньше, чем все эти системы фильтра-

ции, климатические установки, генераторы и очистительные сооружения. Так много сложных и не понятных для ребёнка слов. Он говорил с тобой на языке тебе незнакомом. Ты слышал их и кивал головой, так как в те редкие часы, когда отец находился рядом, ты просто хотел слушать его голос.

Что ж, его труд не был напрасен. Каждый сектор – отдельное государство, мегаполис на полсотни километров, многоуровневый скелет которого, плотно застроен всем тем, что может пригодиться для выживания. Сектор окружён толстыми стенами, со сложнейшими системами герметизации. За стенами... Пустошь. Наглядный пример того, к чему приводит единовременный подрыв десяти с лишним тысяч ядерных боеголовок. Ты считаешь, что в гибели мира повинны ракеты.

"Детектив Макколди прибыл в пятнадцатый район. Выдвигаюсь к месту происшествия", передаёшь ты по средствам ЛИЧ сообщение в диспетчерскую. Вы подходите к багажнику автомобиля. Тим открывает дверцу и раздаёт вам маски респираторов с двумя круглыми фильтрами на уровне щёк и двумя чёрными резинками в три сантиметра толщиной каждая. Сам же берёт транквилизаторную винтовку. Вы в это время уже нацепили маски. Грязный ветер трепет тебе волосы, ты смотришь, как Маракано подгоняет резинки на противогазе что бы тот поплотнее прилегал к округлому лицу. Ты достаёшь тазер и свободной левой рукой даёшь команду на выдвижение к цели.

На безлюдных улицах тебе не по себе. Ты не знаешь, чего ожидать. Тёмные улицы скрывают множество опасностей, от изголодавшихся жителей пятнадцатого, до неразборчивой в развлечениях шпаны, всё ещё верующей в свою власть над местными территориями. Нечастые источники света освещают лишь входы в подъезды и редкие участки побитых тротуаров. Звуковая палитра окраины тускла и однообразна, где-то проносится лай бродячих собак, дальние окрики местных жителей и скрежет металлических конструкций, гнущихся от сильного ветра порождённого турбинами воздушных фильтров. Под ногами шуршит каменная крошка от того, что некогда было асфальтом. Дино нервно оглядывается по сторонам, в то время как Тим весь будто вжат в себя. Костяшки пальцев сжимающих винтовку побелели, а глаз под картинкой внешнего интерфейса нервно подёргивается. Ты видишь это через свой интерфейс, который благодаря высокочувствительной электроники и софта, способен осветлять окружающую тебя картинку, в меру разумного, конечно. Ты знаешь, что стоит тебе зайти в неосвещённый переулок, как техника перестанет справляться и тебя окружит тьма, в которой притаились отморозки, с радостью готовые перерезать твою глотку, лишь бы привлечь внимание к своей персоне или просто развлечься.

Ты не задаёшься вопросом, почему этих-то психов не запихивают в колонии. Ты знаешь, превышение лимита задержанных, приносит корпорации убытки. Какая разница, что

они творят здесь, на границе сектора? Пока они послушно выполняют работу, за которую не возьмётся никто другой, на своей территории им позволено почти что всё. На то она и окраина. Граница цивилизации, чуть дальше которой, мёртвая земля. Квинтэссенция жестокости каменных джунглей.

Поэтому ты выбираешь наиболее освещённые маршруты, благо идти недалеко.

Придя на точку, указанную красной мигающей стрелкой в верхнем поле зрения, вы видите толпу зевак в толстых истрёпанных тулупах и с какими-то лохмотьями на головах. Вы поднимаете оружие, и ты, набравшись духа, кричишь в респиратор, который благодаря встроенным динамикам усиливает твой голос.

– Дежурный патруль, отойти от тела!

Зеваки тут же срываются во все стороны, ты видишь, что Форест нажимает на курок и глаза твои в ужасе расширяются. Ты хватаешься за запястье на цевье винтовки и дёргаешь его вверх, быстро смотришь не задел ли кого этот придурок. Нет, Макколди. К счастью нет. Выстрел даже сыграл на пользу, придав убедительность твоему грозному тону. Твой сердечный ритм ускорился, готовясь к худшему. Попади Тим в кого-нибудь, чёрт знает, чем бы это обернулось. Скорей всего, вспышкой неконтролируемой агрессии. Местные, приняв Вас за нападавших, получили бы карт-бланш на беспорядки и самосуд над посягателями на их земли.

Кто знает, сколько их тут, озлобленных, голодных. Здесь

нет общественных столовых. Корпорация не стремится накормить и одеть всех. Попал на окраину, готовься подстраиваться под суровые реалии. Ты, Макколди, сам с трудом представляешь, как они здесь выживают. Местные рынки полны перекупщиков, продающих просроченные продукты и поношенные шмотки втридорога. Корпорация порой проводит рейды по таким спонтанно возникшим торговым точкам, но ты почти на сто процентов уверен, что кто-то из корпоративных чинов имеет долю с продаж этих барыг. В тебе зреет вопрос, откуда у местных берутся деньги? Что ж, попробуй сам на него ответить. Очевидно, меньшая часть средств достаётся им вполне законным путём, уборщики, чистильщики, грузчики и жестянщики вправе получать на хлеб. Но всё же, большинство выбирают приступный путь.

Помнишь, как год назад, ты решил составить статистику, вспомнить годы в академии, поиграть в прилежного офицера. Статистика показала, девяносто процентов преступлений в сорок третьем секторе, приходится на промышленные зоны и окраины, при том, чем ниже уровень, тем кошмарней происходящее там. Например, тот случай, когда спятившая машина запихнула троих детей в воздухоприёмник, когда тот находился в состоянии покоя. После того, как включились турбины, ошмётки пришлось собирать по всей протяжённости трубы. Ты знаешь об этом деле, так как их криминалисты работали на вашем уровне, а это на двести метров выше места преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.